

## НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ МИФОЛОГИЗИРОВАННОЙ ФИГУРЫ\*

Новая биография Н. А. Некрасова, написанная Михаилом Сергеевичем Макеевым, — явление ожидаемое и подготовленное ходом предшествующих событий. Предыдущая написанная в той же серии книга о Некрасове — ее автором был Н. Н. Скатов — вышла в 1994 году. За двадцать с лишним лет завершилось издание 15-томного Полного собрания сочинений и писем Некрасова, выпущена «Летопись жизни и творчества» в 3 томах, опубликовано немалое количество работ о поэте и издателе, причем одна из важнейших в этом потоке принадлежит также Макееву.<sup>1</sup>

Биография Некрасова — отрадное явление, причем ряд достоинств этой книги легко указать и аргументировать. Достоинство частного порядка — опора на обширные архивные разыскания и проверку документированных фактов, что позволило биографу подробно изложить ранее мало освещенные эпизоды и целые стороны жизни поэта и его семьи. Хочется отметить интересные иллюстрации: они составляют содержательный зрительный ряд. Книга связна и целостна: она не рассыпается на отдельные сюжетные линии отношений, предприятий, событий. Она «населена» людьми из многочисленного окружения Некрасова, причем, в отличие от монографий Н. Н. Скатова и В. В. Жданова, более подробно в части, охватывающей 1870-е годы. Личные отношения и деятельность Некрасова этих лет выписаны Макеевым с явным интересом к этому сложному и яркому периоду в жизни поэта. Это существенно, поскольку среди современников, да и в литературоведении Некрасов зачастую ассоциировался преимущественно с литературно-общественным процессом 1840-х и 1860-х годов. Вообще, исполнение жизнеописания Некрасова выглядит пропорциональным, а стиль — сухим настолько, чтобы побудить читателя к восприятию фактов и причинно-следственных связей, очищенных от слухов и домыслов. В жизнеописании поэта, редактора, издателя Некрасова литературовед Макеев явно стремится говорить о Некрасове, а не о себе и не о слухах вокруг Некрасова. Это не роман-биография, а научная биография.

Чистота исполнения замысла несет в себе еще одно достоинство этой книги. На ее примере можно говорить о методе науч-

ной биографии, что в высшей степени важно в отношении Некрасова как фигуры мифологизированной еще при жизни, а затем и в истории литературы и культуры. Уточним: в данном случае особенностью индивидуального подхода автора был анализ деятельности Некрасова с двух точек зрения, на стыке двух наук — экономики и науки о литературе. Рассуждения и выводы Макеева о литературных предприятиях Некрасова убедительны, они работают и как комментарий к его художественным произведениям. Но размышление о методе биографии, возникающее при чтении, имеет более общий характер. Речь идет о таком базовом принципе, как установка на факт: разыскание, проверка достоверности, установление причинно-следственных связей, безоценочное освещение.

Метод автора монографии хочется охарактеризовать как «археология мифа». Археология изучает прошлое по вещественным источникам. Макеев, как отмечено, дистанцируется от любых домыслов и стремится отвести в сторону собственную и читательскую прямую оценочность. Поскольку рецензенту посчастливилось много раз лично беседовать о предмете с Михаилом Сергеевичем, позволю себе сослаться на его устное высказывание о Некрасове: «Кто я такой, чтобы его судить?»

Трудно переоценить такой подход. Некрасов — человек и поэт с яркой и противоречивой репутацией, которая «ложится» на неснимаемые этические противоречия любой эпохи: искренность и конъюнктура, скорбь о бедном и способность к личному обогащению, и т. д. Любая исторически обусловленная попытка пересмотра поступков Некрасова и их мотивов провоцирует на создание «антимифа». Свидетельством тому служат регулярно появляющиеся в Интернете статьи «разоблачительного» характера, адресованные той же широкой аудитории, что и книги серии ЖЗЛ. Они возведены их авторами в статус истины, долго скрываемой от широкого читателя, недоступной для исследователей, потерявших чутье и непредвзятость, — истины, наконец-то объясняющей в поэте всё. Нет необходимости доказывать, что в массе своей эти «сенсации» суть перемены широко известных сюжетов, понятых пишущими на бытовом уровне сознания и усиленных риторикой и грамматическими ошибками. Подобные публикации — сами по себе, не только их содержание — являют собой знание на уровне общего места, самовоспроизводящуюся доксу. Потому установка автора монографии на безоценочность позволяет ему

\* Макеев М. Николай Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2017. 464 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).

<sup>1</sup> Макеев М. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.

уйти с поля демагогических «обвинений» и «оправданий» и полемик с «обвинителями» и «оправдателями».

Однако — и это принципиально важно — Некрасов в истории русской литературы и, шире, русской культуры существует, образно говоря, с «контуром». Наполнение этого контура — определенная эмоциональная составляющая в личном отношении к этическим ценностям, а именно нравственный спрос, который предлагал автор себе — лирическому герою и своему читателю. Спрос создается на уровне его поэтических формул: «любить и ненавидеть», «Иди и гни безупречно», «И, право, я не поручусь, Что пред судом не разревусь...», «Прости меня, о родина! прости!» и др. В первую очередь для современников этот спрос возникал как считанный ими посыл его поэтических произведений; в XX веке эта формульность зачастую ассоциировалась с моральными постулатами, но не с непосредственным, волнующим читателя переживанием этической ситуации личного и общественного характера. Обе составляющие, непосредственное чувство современников поэта и этическая память наших современников, есть тот эмоциональный фон, который по отношению к Некрасову в читательской массе может проявляться как определенная — наивная и в наивности этой парадоксально честная — предвзятость по отношению к поэту, не лирическому герою и не «голосу» этической мысли, но личности, носителю и исполнителю мысли не только на пространстве поэтической книги, но и на собственном жизненном пространстве. Отметим, что фон этот конфликтует с некрасовским заведением: «Как человека забудь меня — частного, Но как поэта — суди...», — существуя вопреки ему. Некрасов, пожалуй, как никто нуждается в беспристрастном освещении.

Излагая спорные этические ситуации, констатируя и комментируя ошибки Некрасова (признанные самим поэтом и его окружением), Макеев последовательно «выключает» вопросы о степени вины и способе оправдания своего героя, отменяет традицию «литературного суда». События жизнеописания — жизни частной и литературной (в концепции биографии так или иначе литературной в любом случае) — учитывают имеющиеся, но тщательно проверенные сведения, чужды домыслам и будут считаться фактической базой любых дальнейших исследований биографии и литературной деятельности Некрасова.

Тут и скрывается первое уязвимое место литературоведческого метода — факт и его достоверность. То, что мы привычно называем фактом, обычно означает некое событие, имевшее время, место и участников. Оно было зафиксировано в письменном источнике, и мы полагаем этот источник достоверным. В некоторых случаях это документ (о рождении, крещении, бракосочетании, смерти и погребении, повышении в чине, по-

купке-продаже и т. д.). В других случаях это чье-то письменное свидетельство о пережитом в личных или общественных отношениях, о публичном выступлении, частном высказывании, воззрении или черте характера своего современника; ряд легко продолжить. Но зачастую мы не можем определить время, место, состав участников и свидетелей и меру их достоверности, будь содержание высказывания соответствующим объективной реальности, или заблуждением, или предположением, или оговором, или самооправданием (вспомним мемуарные свидетельства А. Я. Панаева, Н. В. Успенского, Г. Н. Потанина). Работая с личными документами, такими как дневники, переписка, воспоминания, в сущности, во многих случаях под фактом мы по умолчанию подразумеваем принятое нами на веру видение частного лица: его свидетельство, мнение, представление, домысел, вымысел.

Свидетельство или представление в этом случае равно наделяются статусом знания: мы судим с чьих-то слов о некоем событии или положении. Знание подразумевает наличие того, о чем можно знать: вещи, события, закономерности, выражаемые теоремой. Событие же, описываемое в документе эпохи, могло быть, могло не быть. Например, А. И. Герцен 16 ноября 1864 года пишет из Парижа Н. П. Огареву о Некрасове: «Панаеву он, говоря, оставил».<sup>2</sup> Из воспоминаний Е. И. Жуковской и Е. А. Рюмлинг известно, что Панаева ушла сама;<sup>3</sup> пусть (как показывают выкладки Макеева) окончательный ее уход состоялся позже, все же другая территория — снятая единолично ею квартира на Надеждинской улице — есть выраженный жест ухода. Прекращение ее гражданского брака с Некрасовым, возможно, произошло гораздо раньше: попытки разрывов и готовность уехать с Панаевым из Петербурга могут истолковываться именно так. В этом случае указанного Герценом факта, *события* («Некрасов бросил Панаеву») не было: это его оценка, его субъективное видение другого события — разрыва, расставания, а оно произошло до путешествия, но точно неизвестно когда. И таких случаев в жизнеописании любой известной фигуры найдется немало, в особенности говоря о людях, чью жизнь окружали слухи. А поднятый разговор касается не жизненных реалий, а понятийного и терминологического аппарата.

Как проявляется зыбкость факта в новом жизнеописании Некрасова? Можно пояснить на малом числе примеров.

<sup>2</sup> Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 2. С. 534.

<sup>3</sup> См.: Жуковская Е. И. Записки. Воспоминания. М., 2001. С. 290—291; Рюмлинг Е. А. Воспоминания сестры поэта Николая Алексеевича Некрасова // Карабиха: Историко-литературный сб. Ярославль, 1997. Вып. III. С. 216.

Обратимся к очень важному в биографии Некрасова эпизоду: приобретение журнала «Современник». Макеев цитирует письмо Некрасова к Белинскому, в котором Некрасов сообщает о хлопотах по передаче журнала Плетневым в руки его и Панаева и предлагает Белинскому продать материалы несостоявшегося «Левифана» редакторам (с. 135). Исследователь утверждает, что идея приобрести журнал возникла летом 1846 года и не обсуждалась с Белинским, который был просто поставлен в известность, и, если бы тот не передал материалы «Левифана», то «на что мог рассчитывать Некрасов? какой другой материал был в его распоряжении?» (там же).

Между тем в цитируемом письме Некрасов говорит, что как раз с материалами «Левифана» дела обстоят неблагополучно, поскольку «Гончаров хныкал <...> что Краевский дал бы ему три тысячи, и наконец отправился к Краевскому», «Достоевский Краевскому повесть дал, а Вам — неизвестно когда, и кончит ли; от Тургенева ни слуху, ни духу».<sup>4</sup> а далее Некрасов пишет: «Мы объяснили Гончарову дело о журнале; он сказал, что Краевский ему дает по 200 р(ублей) за лист; мы предложили ему эти же деньги, и роман этот будет у нас. Другую его повесть я тоже купил у него».<sup>5</sup> Материалы «Левифана» действительно были нужны журналу; но, если бы Белинский не согласился продать Некрасову и Панаеву бесплатно полученные им материалы, он не был бы в состоянии издать альманах сам и не был в состоянии купить труды интересовавших его авторов. В делах по изданию «Левифана» он рассчитывал на также бесплатную помощь Некрасова, будучи отправлен им в Малороссию поправлять здоровье на деньги, вырученные от «Петербургского сборника». Продажа и последующее сотрудничество были в интересах Белинского.

Что же касается предварительного обсуждения, то Макеев не приводит свидетельство А. Я. Головачевой-Панаевой — пересказ реплики Некрасова в разговоре с Толстыми в Казани: «Если бы русские литераторы надумали издавать на паях журнал, — прибавил он, — то оправдали бы пословицу: у семи нянек дитя без глазу. Я много раз рассуждал с Белинским об основании нового журнала, но осуществить нашу заветную мечту, к несчастью, невозможно без денег».<sup>6</sup> Отметим кстати, что в приведенной цитате Некрасов заблаговременно высказывает свое убеждение о несостоятельности идеи издания на паях, вокруг чего в скором будущем и возник острый конфликт с Белинским.

<sup>4</sup> Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 1. С. 58 (этот фрагмент письма процитирован в биографии).

<sup>5</sup> Там же. С. 59.

<sup>6</sup> Цит. по: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 77.

Объяснение того, что биограф не обращается к свидетельству Головачевой-Панаевой, лежит на поверхности. Ее воспоминания имеют репутацию малодостоверного источника, и, создавая свой мемуарный текст много лет спустя после описываемых событий, она явно или неявно полемизировала с мнением и преданием, а в отдельных случаях и с фактом (например, в описании «огаревского дела»). Однако вопрос достоверности касается не только общей мысли и мотивации освещения событий, но и каждого конкретного факта. Ведь даже ложь не обязательно является чистым вымыслом: она может заключаться в искаженном отображении связи и смысла фактов, а не фактов как таковых. Ход дела же, представляемый в книге Макеева, в указанной подробности не противоречит изложению Головачевой-Панаевой: «...мысль издавать самостоятельно, без участия Краевского, литературный журнал, в котором Белинский был бы полным хозяином, носилась в воздухе (ее можно встретить в письмах Кетчера или Герцена еще в 1845 году)» (с. 130).

Недостоверная мемуаристка Панаева могла в воспоминаниях описать дело, намеренно искажая факты; но она могла также свидетельствовать о том, что действительно слышала своими ушами. Она могла слышать утверждение Некрасова, что он много раз обсуждал с Белинским идею основания нового журнала; а поскольку Белинский был частым гостем Панаева, она могла сама слышать в собственной гостиной подобные разговоры. Да и сам Белинский в не упомянутом Макеевым письме к Герцену от 6 апреля 1846 года утверждает: «Я уверен, что не пройдет двух лет, как я буду полным редактором журнала. Спекулянты не упустят основать журнал, рассчитывая именно на меня». Белинский ошибся в расчетах быть «полным редактором»: ему было предложено быть полным «хозяином содержания» журнала. Но в остальном письмо убеждает, что в принципе вопрос о журнале был обсужден — если не увлекаться гипотезой, что под «спекулянтами» Белинский подразумевал посторонних, а не «афериста» Некрасова.

Нам (в силу физических ограничений) не дано достоверно познать происходившее: услышать своими ушами, увидеть своими глазами документ, в котором излагалось бы интересующее нас, заглянуть в чье-то сознание, чтобы установить время зарождения мысли. Мы располагаем только теми документами, которые сохранились, а в них зафиксировано только то, что выделось пишущему, и так, как оно ему виделось.

Исследователь также равно лишен возможности подтвердить или опровергнуть любое из предположений логическим путем. Любой историко-литературный «детектив», как будто бы проясняющий «белое пятно биографии», обманчив. Ведь персонаж его повествования был живым человеком со своими устремлениями, поэтому мог подумать,

сказать и сделать что бы то ни было *потому что, вопреки тому что, несмотря на то что* и просто по совпадению, а мог не подумать, не сделать, но сказать; или же сделать, но промолчать, и сделанное осталось неизвестным. Метод гипотетической реконструкции правомерен, но он едва ли не преимущественно опирается на интуицию исследователя. Мы видим логику происходившего вне нас там, где она так или иначе совпадает с нашей проекцией.

Необращение к источнику, который не вызывает доверия, вполне корректно: вдаваться в критику внутренней достоверности «Воспоминаний» Панаевой-Головачевой в рассчитанном на широкого читателя жизнеописании Некрасова излишне. Однако отказ Макеева, декларирующего безоценочную установку на факт, мотивирован не содержанием фактов — они совпадают в разных источниках, — а недоверием к источнику. Уточним, недоверием не столько к *написанному*, сколько к *пишущей и ее мотивациям*. То есть характер мотивации исследователя — это «верю — не верю» — не рациональный, а эмоциональный и субъективный, и по результату недоверие к источнику может быть приравнено к его оценке (недостоверный, неправый логически, неправый этически).

Обратимся к совсем периферийному эпизоду, который наводит на сходные мысли. Макеев приводит письма Некрасова, написанные в 1869 году сестре Анне Алексеевне из Дьепа, где поэт укреплял здоровье. В письмах упоминается его давняя подруга Селина Лефрен, с которой он встретился и проводил время, а также другие женские фигуры, вызвавшие в нем интерес, и признание в испытанной им вспышке сильных чувств. Биограф делает предположение, которое выглядит вполне правдоподобным: «Возможно, что в поездке Некрасов пережил новую страсть. [...] Исследователи традиционно полагают, что речь в этих письмах идет о Селине Лефрен, однако их тон и содержание не соответствуют ровному и спокойному характеру отношений между Некрасовым и его старой подругой. Скорее имело место какое-то случайное знакомство, едва не перешедшее опасную границу» (с. 386—387).

Объект кратковременной безымянной страсти не является проблемой биографии Некрасова, эпизод не прибавляет ничего существенного даже к локальной сюжетной линии Некрасов—Лефрен. К размышлениям побуждает опять-таки метод, гарантирующий максимальную объективность. Повторимся: предположение Макеева правдоподобно. Увлекающийся Некрасов, давно позволивший себе неограниченную личную свободу, мог испытать очередную страсть и в присутствии давней подруги, с которой проводил время. Но с точки зрения доказательности и соответствия фактам гипотеза исследователя выглядит именно плодом его интуиции, личной проекции, наконец, фантазии,

которая отнюдь не может считаться недостатком в человеке, профессионально занимающемся литературой и пишущем биографию великого литератора, — только не фактом и не продуктом логики. Потому что мы практически ничего не знаем о «характере отношений между Некрасовым и его старой подругой», которая состояла в переписке с поэтом и его сестрой Анной, и переписка ее с Анной до нас не дошла. Письма Некрасова к самой Селине нам неизвестны, ее писем к нему выявлено лишь четыре. Мы не знаем, сколько именно писем поэта и французской подруги до нас не дошло и каково было их содержание; не знаем ничего о сугубо личной стороне их общения. Наконец, у нас нет фактических оснований судить, отнеслось ли к одной Панаевой или вообще было свойственно Некрасову качество, во власти которого он признается В. П. Боткину: «Блажен, кто забывать умеет, блажен, кто покидать умеет — и назад не оглядывается... Но сердце мое очень оглядливо, черт бы его побрал!»<sup>7</sup> Характеристики новых «ангелов» в цитируемых письмах поэта тоже не наводят на мысль о *страсти*. Наконец, в качестве иллюстрации: страсть к «ангелу» Ксении Павловне, о которой Некрасов откровенно пишет Н. А. Добролюбову в письме от 18 июля 1860 года, длилась целых четыре дня:<sup>8</sup> поэт в письме показывает себя совершенным хозяином положения, для которого подобные вспышки страсти «опасности» не таят.

Основанием для своей гипотезы Макеев полагает то, о чем не сказано, т. е. — отсутствие в источниках выявляемого и подлежащего проверке факта. Предположение о новой страсти *правдоподобно*. Так *могло быть*. И *могло быть иначе, в силу* неких неведомых нам причин, или *вопреки* чему-то, что нам представляется очевидным либо также от нас сокрыто. Нам неизвестны многие факты, которые могли стать подлинными причинами или следствиями; наши логические построения связывают лишь те звенья жизненной и творческой цепей, которые раскатились не слишком далеко и могут быть нами замечены и объяснены в этом качестве.

Гипотетическая реконструкция малозначительного эпизода, не связанного с творчеством поэта, изложена Макеевым предельно лаконично и потому предельно корректно. Но интерпретация первостепенного источника — откровений Некрасова от первого лица — также осуществлена биографом поэта по принципу «верю» — «не верю». Дистанцирование от субъективности выражено в безличных конструкциях, которые маскируют субъективное видение как единственный способ обратить перечень обмолвок в последовательность событий. Это — не лукавство исследователя: он честен; это — предел воз-

<sup>7</sup> Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 14. Кн. 2. С. 35—36.

<sup>8</sup> Там же. Кн. 1. С. 138—139.

можностей метода в исследовании чужой частной жизни для ее описания.

Еще одно суждение показывает стремление исследователя отмежеваться от субъективных вольностей «психологического метода». Излагая историю разрыва И. С. Тургенева с Некрасовым, Макеев отмечает: «Исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению, что в Добролюбовской рецензии показалось Тургеневу настолько обидным, что заставило его сделать столь резкий и необратимый шаг, и сходятся на том, что рецензия была только предлогом для назревшего разрыва» (с. 272). Понять душевные изменения другой личности действительно сложно, иногда невозможно: это трюизм. В повествовании этот приходящий на ум трюизм снимается заключением биографа: «Представляется, что и сама дружба между Некрасовым и Тургеневым была чем-то искусственным, между ними не было настоящей близости, в особенности со стороны Тургенева, не способного на подлинную привязанность» (там же). Судить о том, «действительно ли любил» или «на самом деле не любил», в отношении давно умершего незнакомого человека довольно трудно — это тоже трюизм. «Мы были когда-то короткими, близкими друзьями», — пишет о себе и Некрасове Тургенев.<sup>9</sup> Обращение к переписке Тургенева дает примеры того, что на уровне «верю — не верю» показывает любовь и привязанность Тургенева: к Полине Виардо, к Белинскому, к Я. П. Полонскому, к самому Некрасову в лучшие их годы.

Психологический метод быстро обнаруживает тупик: во-первых, литературовед не психолог, во-вторых, это способ в биографии писателя написать о себе, который верит или не верит. Но субъективность в гуманитарной науке неизбежна, это ее базовое свойство: художественное произведение создает субъект, а понимает его и транслирует свое понимание другой субъект, адресуясь также к субъектам. Объективность существует лишь в той мере, в какой она доступна даже не техническим возможностям наблюдателя — но его субъективной готовности воспринять открывающуюся совокупность явлений в ее неизбежной неполноте, двусмысленности и противоречивости. Любая попытка опираться только на объективные факты ведет к сужению известных науке фактов до той комбинации, которую может объяснить данный исследователь. В крайнем выражении — на уровне механики, что, безусловно, не про рецензируемую книгу.

Интуиция и работа эмоционального интеллекта в научной прозе так же закономерны, как в прозе художественной: это вопрос пропорций. В противном случае невозможно отразить масштаб массового разочаро-

вания в поэте — «голосе эпохи», а затем масштаб прощания его читательской аудиторией, которая помнила причину разочарования (эпизод с так называемой «муравьевской одой»), но вернула ему звание первого и любимого русского поэта. Этот довод может вызывать возражение: реакция читателей есть факт биографии каждого читателя либо факт жизни социума, но не самого поэта. Однако значимость творческой биографии крупнейшего национального поэта как раз и объясняется интенсивностью «обратной связи» между ним и социумом.

Эти и подобные случаи не стоило бы подробно обсуждать, если бы книга Макеева не являлась попыткой, прибегнув к археологии факта, разделить «сиамских близнецов»: Некрасова — историческое лицо и Некрасова — культовую фигуру, героя преданий и пересудов. А это второе уязвимое место литературоведческого метода, которое автор стремился преодолеть, сделав установку на безочечность. «Контуры» преувеличений и оценок в книге по возможности погашен: можно было бы сказать, что перед читателем предстает Некрасов-прототип, отделенный от Некрасова-персонажа читательского восприятия (это главное) и хронологически более позднего «низового литературоведения» (назовем так по аналогии с «низовой литературой»). «Археология факта» демифологизирует фигуру. Отказавшись от оценочности, упоминаний о сомнительных источниках, домыслах и слухах вокруг фигуры Некрасова, Макеев тем самым переводит разговор в новую плоскость, где любой вопрос и ответ, касающийся биографии и творчества Некрасова, свободен от попытки судить. Это благо: его подход гарантирует самой широкой аудитории обузданное щедрого на издержки невоспитанного эмоционального интеллекта.

Выражаясь метафорически, «археология факта», стремящаяся к «вещному» факту, дает научное представление об электрической лампочке: колбе, спирали, — по возможности снимая рассуждения о том, какое воздействие на людей вокруг оказывал свет этой лампочки, сколь далеко и интенсивно этот свет простирался вовне.

Покрывает ли этот труд исследователя современную потребность в биографии Некрасова?

Конечно, да. Честное, выверенное, подробное, последовательное изложение вех биографии в контексте общественной, культурной, литературной жизни. В этой биографии объяснено объяснимое.

И — нет, не покрывает. Хочется добавить — к счастью. В массовом представлении биография Некрасова будет сопряжена с загадкой могучего влияния Слова на человеческую личность и человеческие массы, загадкой протяженности этого влияния, природы его вспышки и его угасания. Еще — с «неудобными» вопросами и дискуссиями морально-этического свойства, включая наив-

<sup>9</sup> Тургенев И. С. Последнее свидание // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 10. С. 146.



ные и избыточные, и апелляцией к поэтическому слову и «тексту жизни» Некрасова. Эти представления связаны с главным качеством поэта Некрасова: будить нравственное чувство и напоминать о неснимаемых нравственно-этических противоречиях любого живого человека частного и общественного. Некрасов в драме русской культуры олицетворяет фигуру человека, в котором смелость

была и на грех, и на искреннее покаяние. Пожалуй, если в книге Макеева читатель найдет ответы на все свои вопросы, вследствие чего попытки разгадать и «судить» Некрасова прекратятся, это будет свидетельствовать либо о глобальном нравственном усовершенствовании общества и назревшей отмене приставки «у-» в названии «утопия» — либо ровно наоборот.